

Т. В. Шипунова

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ ДЕВИАНТНОСТИ И ЕГО ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ¹

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

В статье автор рассматривает социальный контроль как коммуникацию. В соответствии с этим подходом в различных дискурсах создаются специфические конструкты социального контроля девиантности. Автор рассматривает конструкты как целостные системы, включающие в себя разные компоненты. Между конструктами, сложившимися в разных дискурсах, возникают определенные отношения, которые могут иметь как позитивные, так и негативные следствия для социума. Приводятся результаты исследования конструирования социального контроля девиантности в молодежно-студенческом дискурсе. Библиогр. 7 назв.

Ключевые слова: девиантность, социальный контроль, конструкт, дискурс.

SOCIAL CONTROL OF DEVIANCE AND ITS DISCURSIVE CONSTRUCTION

T. V. Shipunova

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The author considers social control as communication. In line with this approach, specific constructs of social control of deviance are created in various discourses. The author examines the constructs as complete systems which include various components. Between constructs that emerged in different discourses, there are certain relationships that can have both positive and negative consequences for society. The article also presents the results of a study in design of social control of deviance in the youth and student discourse. Refs 7.

Keywords: deviance, social control, construct, discourse.

Социальный контроль в общем смысле чаще всего определяется как «попытка общества регулировать мышление и поведение людей» [1, с. 260]. В данном подходе раскрывается противоречие «человек–общество». Очевидно, что при анализе социального контроля необходимо рассматривать его и в контексте противоречия «общество–человек». В этом случае внимание смещается с интересов общества на интересы отдельного социального деятеля, который в поисках своей социальной и личностной идентичности предлагает разные способы поведения и деятельности (иногда девиантные) и попадает в поле зрения субъектов контроля. Здесь открываются совершенно другие перспективы изучения предмета анализа, а именно рассмотрение системного насилия, социального исключения, обыденного насилия в процессе повседневного реагирования на девиантность.

При данном подходе оказывается, что актуализация социального контроля в повседневных практиках может существенно варьироваться в зависимости от дискурсов, в которых складываются вариативные конструкты социального контроля девиантности. Их различия (вариации), в свою очередь, базируются на разных смыслах, представлениях, оценках таких компонентов конструкта, как «хорошо»/«плохо» в социальных взаимодействиях, социальная норма и «нормальность», социальная и личностная значимость поступков, девиация, меры наказания за нарушение норм и т. д. Согласованность компонентов создает целостный

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00383.

конструкт, который поддерживает определенные интенции субъектов социальных взаимодействий, выбор ими варианта поведения и их реакцию на нарушение норм в повседневных практиках. Соответственно, несогласованность компонентов определяет размытость конструкта и нестрогое соблюдение социальных норм (ситуативные девиации), выборочную реакцию на нарушение норм, а также определенное отношение к санкциям.

Изучение социального контроля в таком ключе должно быть направлено на уточнение понятий, анализ смыслов, деконструкцию и реконструкцию вариаций (моделей) социального реагирования на нарушения социальных норм. Думается, что такой подход интересен и в плане совершенствования социального контроля, поскольку выявленное содержание компонентов конструкта и их согласованность/несогласованность с официальным (государственным) дискурсом создают предпосылки для прогнозирования девиантогенной (и криминогенной) ситуации, а также разработки мер реагирования на нее.

Данный подход не отменяет значимости первого — классического, но существенно дополняет его, расширяя горизонты осмысления социальных феноменов и всей социальной реальности, поскольку девиантность и реакция на нее предстают собой здесь как неотъемлемые элементы социального порядка. Кроме того, в этом подходе социальный контроль можно рассматривать в перспективе отношений «власть — подчинение», реализуемых как процесс социальной коммуникации.

Рассмотрение социального контроля в таком ключе дает возможность более полного его определения в разных дискурсах. Их совокупность, а точнее — обобщенный смысл, создает представление о границах понятия, которое в одном случае может рассматриваться как борьба с социальным злом (добро), а в другом — как чрезмерное ограничение свободы человека (зло). Это представляется важным, поскольку смыслы, вкладываемые в конструкты этих феноменов, направляют повседневные практики реагирования на принятие или отвержение того или иного способа альтернативного поведения. Одновременно с этим социальный контроль начинает выступать как структурированная структура, «предрасположенная функционировать как структурирующая структура, то есть как принцип, порождающий и организующий практики и представления...» [2, с. 102].

При исследовании социального контроля можно принять за исходную точку идеальную модель (некая благая идея). Она отражает дискурс морали должностования («деонтологический дискурс») и выступает идеальным типом, фиксирующим *идеальные представления* о взаимосвязи социального порядка и социального контроля девиантности. Ее можно рассматривать и как символический универсум — «систему теоретической традиции, впитавшей различные области значений и включающей институциональный порядок во всей его символической целостности» [3, с. 157].

Но идеальная модель вовсе не обязательно является единственным ориентиром в контроле девиантности. Она может существенно варьироваться в зависимости от позиции политических деятелей, чиновников, уровня образованности населения, вида политического правления, представлений о справедливости и т. д. Чем дальше от идеальной модели и ближе к жизненным реалиям приближается исследователь и находится субъект контроля, тем больше проявляется «эффект эха»: основное содержание идеальной модели может распасться или трансфор-

мироваться в зависимости от социальных условий, обстоятельств, качества социальных взаимодействий, представлений контролирующих субъектов. Так, могут создаваться различные инструментальные диспозиции, которые производятся объективной структурированной социальной средой [4], или дискурсы социального контроля девиантности, которые находятся в отношении либо комплементарности, либо контрадикторности, либо параллелизма (взаимного игнорирования). Хотя они, безусловно, могут имплицитно или эксплицитно содержать элементы, признаки других дискурсов.

Расхождения в смыслах и оценках социальных явлений в дискурсах лежат в основе возникновения различных коллизий. Особенно значимо расхождение между государственным (право) и «общественным»² дискурсами. Связано это с тем, что в них формируются разные оценки социальной значимости явлений, определяющие нормативные предписания разной степени общности: от морали должностования до морали субкультуры или малой группы. Понятно, что расхождения в оценках того или иного явления у представителей различных социальных групп могут быть существенными. Эти расхождения обусловлены разным опытом и, соответственно, разным определением жизненной ситуации. Скажем, в повседневной жизни можно выделить три позиции или три группы людей, которые определяют ситуацию, давая оценки совершаемым поступкам или деятельности [5, S. 1–9]: а) те, кто непосредственно продуцирует ситуацию (действие, деятельность), и считает, что поступает конформно или «приемлемо»; б) те, кто считает ситуацию неординарной, не обычной, но допустимой; в) те, кто считает ситуацию нормонарушающей / девиантной / криминальной. Разные определения ситуации и их оценки могут в какой-то части пересекаться между собой, создавая возможность для формирования в обществе толерантности и приемлемого интервала действия норм.

Оценка значимости социального явления как в «общественном» дискурсе, так и в праве, отражающем государственный дискурс, может быть адекватной или неадекватной (что выясняется по прошествии времени на практике). Здесь условно можно выделить следующие варианты.

Вариант 1. Социальная значимость деяния отображена и оценена адекватно³ в «общественном» дискурсе и праве. Морально-правовые нормы, в которых фиксируются эти оценки, соответственно будут социально-адекватными, а все нарушения этих норм будут квалифицироваться большинством членов общества как негативные отклонения. Следующим этапом является поиск мер социального контроля. Если на этом этапе точка зрения законодателя будет существенно расходиться с «общественным» дискурсом, то следует ожидать распространения разнообразных практик самосуда или недоверия (или противостояния) официальной точки зрения.

Вариант 2. Социальная значимость деяния отображена и оценена адекватно в «общественном» дискурсе, но неадекватно в праве. Неадекватные оценки законодателя выявляются при кодификации социально-неадекватных норм, а также при

² Термин «общественный» дискурс используется здесь как генерализованное выражение всех дискурсов, помимо государственного.

³ Под социальной адекватностью понимается мера полезности оценок и вытекающих из них социальных норм для общественного блага, подразумевающего обеспечение стабильности социума, интеграцию всех его членов, соблюдение основных прав и свобод человека и т. д.

определении слишком суровых или слишком мягких мер наказания в отношении нарушителей этих норм. При этом официальные субъекты социального контроля неизбежно сталкиваются с массовым несоблюдением установленных предписаний, ибо «навязанные нормы ассоциируются в сознании индивидов с внешним врагом» [6, с. 24–25].

Вариант 3. Социальная значимость поведения (деятельности) отображена и оценена неадекватно в «общественном» дискурсе, но адекватно в праве. Такая ситуация возникает каждый раз, когда государство берет на себя функцию изменения социальных норм (и, следовательно, социальных отношений) в соответствии с опытом более развитых стран. В ситуации изменения социальных отношений сверху всегда возрастает уровень преступности и других видов девиантности.

Вариант 4. Социальная значимость поведения отображена и оценена неадекватно и в «общественном» дискурсе, и в праве. Гомогенность социальных конструктов в многочисленных дискурсах может быть только относительной, но в одних случаях единодушия больше, а в других — меньше. Так, при тоталитарном режиме у населения может сформироваться внешнее согласие с моделью социального контроля, навязанного ему государством, защищающим свои интересы. Такое согласие может даже противоречить здравому смыслу. Тогда появляется феномен двойной морали и возрастает латентная девиантность.

В современной реальности добиться гомогенности в конструировании социальных явлений практически невозможно, поскольку этому препятствуют различные информационные потоки, обогащающие наши представления о нормах, поведении и социальном контроле. Так, к нарушению традиционных для отдельной страны социальных норм могут привести сведения интер- и интракультурной варибельности норм в отношении сходного поведения, интракультурной варибельности норм в форме позиционального направления адресатов норм (аспект власти и господства) и т. д. [7, S. 42]. Это создает условие для размытости представлений о социальном контроле в разных дискурсах и одновременно повышения адекватности конструктов социального контроля девиантности в повседневных практиках, в отличие от государственного дискурса, ограниченного поддержкой отношений «господство—подчинение».

Для иллюстрации и проверки приведенных выше положений в 2013–2014 гг. было проведено исследование среди студентов 2–3-го курсов четырех вузов Санкт-Петербурга «гуманитарного профиля». Студенты обучались на отделениях и факультетах: социальной работы, социальных технологий, социально-культурных технологий и социальных наук. Выбор студенческой молодежи обусловлен понятными причинами: их большей социальной активностью по сравнению с лицами более зрелого возраста; свойственными этому возрасту интенциями в поведении и деятельности (рискованное поведение, в том числе девиантное); критическим взглядом на социальный мир «взрослых»; активным поиском своей идентичности; наличием развитых социальных сетей; большой мобильностью и лучшим знакомством с разнообразной информацией, в том числе размещенной в Интернете, и т. д. Наличие данных характеристик, на наш взгляд, определяет специфический молодежно-студенческий дискурс, понимаемый в самом общем смысле как характеристика особой ментальности, которая может найти отражение в связанных текстах, фиксирующих представления, оценки, смыслы, связанные с предметом рассмотре-

ния, и включенных в социокультурный, социально-психологический, политический и другие контексты.

Цель исследования — выявление содержания конструкта социального контроля девиантности, сложившегося в молодежно-студенческом дискурсе, проверка согласованности его компонентов, степени совпадения с официальным (государственным) дискурсом. Методом исследования выступил контент-анализ текстов. Темы свободных рассуждений (краткие эссе) были сгруппированы в четыре задания, которые содержали ряд вопросов, составленных по принципу комплементарности.

Для чистоты исследования задания выполнялись на практических занятиях по дисциплинам социогуманитарного цикла в реальном времени. Поскольку студенты иногда пропускают занятия, то количество выполненных заданий по темам разнится в зависимости от явки студентов. Так, первое задание в общей сложности выполнили 68, второе — 67, третье — 56 и четвертое — 77 человек (подсчет произведен после отсева работ, не удовлетворяющих требованиям, — в среднем около 20 работ по каждому заданию). В данном исследовании нас не интересовали половые различия (хотя традиционно в вузах гуманитарной направленности преобладают лица женского пола) или мнение каждого из студентов по всем вопросам всех четырех заданий. Главным было обобщение смыслов и оценок с целью выявления согласованности / несогласованности с общими тенденциями развития социального контроля в России: его ужесточением, криминализацией / девиантизацией разных видов поведения, расширением границ контроля, сужением интервала действия норм, снижением толерантности к разным видам альтернативного поведения и т. д. А теперь перейдем, собственно, к основным и наиболее интересным, с нашей точки зрения, результатам исследования.

Лишь для небольшой части опрошенных понятия «хорошо»/«плохо», «социальная норма», «нормальность» и «нормальный человек» связаны между собой. Для большинства студентов социальная норма воспринимается как неотъемлемая часть внешнего по отношению к ним общества, которая не оценивается участниками исследования с точки зрения полезности для людей (57 из 68 человек). Это либо «сложившийся на протяжении лет стандарт поведения», либо «правила, установленные обществом». Здесь общество выступает в качестве безличного субъекта, диктующего определенные правила. Лишь 10 человек отметили, что признаком социальной нормы является ее принятие большинством, проживающим в данном обществе⁴. Кроме того, 13 человек уверены, что социальная норма — это то, что служит благу общества и людям: чтобы «люди могли уживаться друг с другом», чтобы «улучшить жизнь людей».

«Нормальность» для большинства опрошенных предстает как «соответствие критериям (разным в разных обществах) и стандартам, которые находятся в середине диапазона между минимальными и максимальными требованиями». Иначе говоря, это усредненный показатель соответствия ожиданиям общества. Так считают 37 студентов. Для 14 опрошенных — это субъективное понятие, еще для 14 человек «нормальность» является относительным понятием, которое зависит

⁴ Рассуждения некоторых студентов содержали несколько вариантов возможных смыслов.

от обстоятельств. Лишь четверо считают, что понятие «нормальность» связано с пользой для людей.

Мнения о «нормальности» несколько расходятся по смыслу с оценками «нормального» человека (в соответствии с заданием «нормальность» должна была определяться в контексте социальных взаимодействий). Участники исследования выделили три главные позиции: а) это человек, более или менее соответствующий социальным нормам (42 чел.); б) всегда готов помочь и не причиняет вреда другим людям (17 чел.); в) для каждого — свое (8 чел.). Из тех, кто вошел в группу «а», 14 студентов оценивают «нормальность» как негативную характеристику. «Нормальный» — это либо среднестатистический человек, который «не имеет талантов» и «не вызывает особого интереса», либо «несчастливый человек, поскольку общество не дает ему действовать так, как он хочет».

В ответах на вопрос «что такое “хорошо” во взаимодействиях между людьми и в поведении человека?», который напрямую связан с представлениями о социальной норме и «нормальности» поведения в социальных взаимодействиях, смысл студенческих оценок сместился с пользы для общества на пользу для человека (людей). «Хорошо» — это когда приносит благо другим людям (варианты ответов: «учет интересов других», «сопереживание другим», «умение идти на уступки и компромиссы ради блага другого» и т. д.) (38 чел.). Благо для общества как основной смысл «хорошего» выделили 24 человека.

Не менее интересными представляются оценки разных видов девиантного поведения. Смысл девиации в рассматриваемом нами дискурсе заключается в нарушении социальных норм, общепринятых стандартов (42 человека из 56). Относительность понятия зафиксировали 18 человек, вред для людей — 2 человека, а тот факт, что девиация может быть позитивной и негативной, — 11 человек. По мнению студентов, основной причиной того, что большинство людей не совершает преступления против личности (например: грабежи, убийства, кражи личного имущества, причинение физического вреда здоровью и т. д.) является страх наказания (40 ответов). На втором месте оказалось «воспитание» и «совесть, нежелание причинять вред людям» (25 ответов).

При оценке поведения на принадлежность к девиациям были выявлены следующие результаты. По выделенной участниками опроса совокупности оценок вреда для социума, ближайшего окружения и самого человека к девиациям были отнесены: проституция (50 из 56), немедицинское потребление наркотиков (52), суицид (49). Не считают девиациями: табакокурение (32), нарциссизм (31), шопоголизм (44) и включенность в неагрессивные молодежные объединения (46). Примерно поровну распределились ответы в отношении нудизма (29 — «нет»), потребления алкоголя (23 — «нет»), гомосексуализма (26 — «нет»), чайлдфри (27 — «нет»), гемблинга (24 — «нет»).

Совокупный смысл социального контроля в студенческом дискурсе имеет негативную окраску: это выявление и контроль поведения человека в случае нарушения им социальной нормы. Сюда же относятся, с нашей точки зрения, рассуждения о роли социального контроля в поддержании существующего социального порядка. Эти два варианта отметили 58 из 77 человек. И лишь 21 человек придали позитивный смысл социальному контролю. По их оценкам, он является механизмом саморегуляции социальной системы, цель которой — обеспечение социаль-

ной стабильности, исправление ситуации, «регуляция взаимодействий индивида с обществом». Большинство студентов выделили и негативные последствия социального контроля. Для общества это, прежде всего: «неоправданное усложнение социальной системы», «много бюрократических структур», «стагнация общества, уменьшение числа пассионариев» и т. д. (49 чел.). Среди негативных последствий для индивидов большей частью были названы дискриминация, нарушение свободы, стигматизация, подавление индивидуальности и уникальности (только 7 человек не увидели негативного влияния социального контроля на индивидов).

Исходя из преваширования негативных определений социального контроля, не были неожиданными утверждения о необходимости его ужесточения (59 из 77 ответов). Преимущественно это касалось лиц с наркотической и алкогольной зависимостью, педофилов, преступников-рецидивистов, проституток (особенно уличных). Среди прочих видов поведения, требующих усиления социального контроля, были указаны: домашнее насилие; психические отклонения; национализм; гомосексуализм; поведение мигрантов; коррупция чиновников; нарушение прав людей. Вопрос «нужно ли ослабление социального контроля в отношении разных видов девиантности?» также не остался без ответов. За ослабление социального контроля высказалось 29 человек. Разброс мнений по поводу видов девиаций большой, поэтому нет возможности выделить какие-то особо значимые группы. В основном это касалось тех девиаций, которые человек совершает первый раз, но они, по мнению студентов, не наносят большого вреда обществу или другим людям.

Исследование показало, что в целом молодежно-студенческому дискурсу социального контроля свойственен ригоризм, т. е. проведение идеи непреклонности в осуществлении надзора за человеком, поскольку только под страхом наказания он может соответствовать требованиям общества и морали должностования. Кроме того, дискурсу свойственно стремление к ужесточению социального контроля, что вписывается в общий тренд продвигаемых российскими политиками идей расширения контроля поведения людей (что противоречит общемировым тенденциям, например, в отношении наркозависимых, алкоголезависимых, проституток и т. д.). Возможно, это чревато возникновением ситуации формирования двойной морали и ростом латентной девиантности.

Следует отметить, что автор далек от мысли прямого переноса результатов исследования на весь молодежно-студенческий дискурс. Это, скорее, часть общего дискурса, но и она выявляет определенные тенденции, существующие, как минимум, в сознании тех, кто принял участие в исследовании.

Литература

1. Мэсонис Дж. Социология. 9-е изд. СПб.: Питер, 2004. 752 с.
2. Бурдье П. Практический смысл / пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «МЕДИУМ», 1995. 323 с.
4. Бурдье П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
5. Haferkamp H. Kriminalität ist normal. Zur gesellschaftlichen Produktion abweichenden Verhaltens. Stuttgart: Enke, 1972. 253 S.
6. Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: Инфра-М, 2001. 418 с.

7. Lamnek S. Theorien abweichenden Verhaltens: eine Einführung für Soziologie, Psychologie, Pädagogen, Juristen, Politologen, Kommunikationwissenschaftler und Sozialarbeiter. 7. Aufl., unveränd. Nachdr. München: Fink, 2001. 346 S.

References

1. Masionis J. *Sotsiologiya. 9 izd.* [Sociology. 9th ed.]. St. Petersburg, Piter Publ., 2004. 752 p. (In Russian)
2. Bourdieu P. Practical meaning (Russ. ed.: Burd'e P. *Prakticheskii smysl*. Per. s frants. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2001. 562 p.).
3. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow, MEDIUM Publ., 1995. 323 p. (In Russian)
4. Bourdieu P. *Nachala* [Start]. Moscow, Socio-Logos Publ., 1994. 288 p. (In Russian)
5. Haferkamp H. *Kriminalität ist normal. Zur gesellschaftlichen Produktion abweichenden Verhaltens*. Stuttgart, Enke, 1972. 253 S.
6. Oleinik A. N. *Tiuremnaia subkul'tura v Rossii: ot povsednevnoi zhizni do gosudarstvennoi vlasti* [Prison subculture in Russia: from everyday life to the state authorities]. Moscow, Infra-M Publ., 2001. 418 p. (In Russian)
7. Lamnek S. *Theorien abweichenden Verhaltens: eine Einführung für Soziologie, Psychologie, Pädagogen, Juristen, Politologen, Kommunikationwissenschaftler und Sozialarbeiter*. 7. Aufl., unveränd. Nachdr. München, Fink, 2001. 346 S.

Статья поступила в редакцию 10 апреля 2015 г.

Контактная информация

Шипунова Татьяна Владимировна — доктор социологических наук, доцент; shtatspb@yandex.ru
Shipunova Tatiana V. — Doctor of Sociology, Associate Professor; shtatspb@yandex.ru